

0 дногазы правдюю оберштурмбанфюрер Айсман сказал о Штирице Мюллеру: «Я был с ним... и видел его под бомбами: он высечен из кремня и ста-ли». Практически теми же словами и я могу выразиться в адрес Александра Ивановича Кальянова (он же — Кальян Иваныч, просто Кальян, но для кого и Кальяша) — известного певца и престижного звукорежиссера. Правда, до бомб дело у нас не дошло. Зато довелось наблюдать К. на неистовом поединке самых отчаянных российских стриптизерок. Всю ночь — пять часов кряду — они вертели перед певцом аппетитными попками, а он — хоть бы хны! Сразу видно, из чего выкован человек (далее по тексту Ю. Семенова «17 мгновений весны»). Если кому мало одного доказательства, то вот и другое. Я пришел к нему с водкой: родная, в посуде «ноль-восемь», слеза. «Убери, — замахал он руками, словно крыльями черная птица, — к чертовой матери, пожалуйста!» И предложил свою альтернативу — пакет кефира: густого, свежего, ровно лить в картонке, омытой слезами холодильного конденсата.

Выпили, называется. Кефир развязал языки, которые сами того, может быть, не особо жалея с утра, неожиданно бойко заговорили к обеду.

Где мы?

— Ну и где мы? — спросил я после первого же стакана белого, как лицо Анастасии Вертиńskiej, напитка.

— В Раменках-5. Дом культуры «Высотник». Старенький, сталинский — скромный. 70 процентов отечественных звезд начинали отсюда.

— А вы с чего начинали?

— Пошли к Лужкову (он тогда еще не был мэром). Алла Пугачева, Виктор Романов и я. Вот, говорим, очень жалеем открыть кооператив для музыкальной записи артистов эстрады. «Тон Сервис» — звучит? Пусть еще что-нибудь будет в стране, кроме фирмы «Мелодия»...

— Лужков обрадовался?

— Призадумался, но... согласился. Первыми записались «Наутилус-Помпилиус». У них крутые слова, еще более смысл, но — проехали. Десьять лет минуло с тех пор.

— Представляю, сколько кефира с той поры утекло!

— Не столько, конечно, кефира... Но главное в другом. Есть на земле места, где человек себя чувствует плохо. А у нас наоборот. Дух хороший. Это все отмечает. Редкое для Москвы местечко.

— Вы здесь родились?

— Нет, я брянский волк. Волчар!.. Из крошечного райцентра Униче. 15 лет проживал в Москве, но москвичом себя не считаю. Как практически все приличные музыканты и звезды. Москвичей среди них два-три человека. Как Россия сильна провинцией, так и наша культура.

Расстановка сил

— Я — Дева. Это надо по-нять. У меня с гороскопами все совпадает. Родился в 1947-м. Мать рожала в деревне, там было сыгнене. Звали ее Александрой Герасимовной, царствие ей небесное... Преподавала в школе русский язык и литературу. Читать меня научила в пять лет.

— А отец чему учил?

— Иван Ефимович был директором школы и преподавал химию. Только я больше физикой увлекался.

— Отец не рассердился за то, что двинул не по его стопам?

— Было немного. У меня уникальный отец. Две войны от звонка до звонка проба-

рабанил, с немцами и японцами, до Берлина и Тихого океана дошел. Ни единой царапины! Однажды бомба свалилась ему едва не на голову. Всех вокруг поубивало, а ему лишь контузия. Отец заговоренный был. Мама постаралась. Она креокая... Из дворян. Могла предугадывать судьбу, хотя и была членом партии. Ее все считали болицами.

— Вас мама тоже заговорила?

— Видимо. У меня, например, нет заклятых врагов. И

винтовка. В болоте нашли танк, да не сумели вытащить. В драке настоящее оружие не применяли. Даже ножи из карманов выбрасывали. Честными были. И прежде всего перед собой.

— За свою честность приходилось страдать?

— Многие сели в тюрьму. Тогда ведь свидетелей не убирали... Меня Бог миловал. К 15—16 годам почти все мои друзья оказались на зоне. Потом возвращались. Просветили и меня о тех нравах.

уличных сражений на вашем теле имеются?

— Ничего особенного. Вот корова однажды серьезно лягнула — в спину.

— Сней-то за что сражались?

— За молоко. Естественно, решила подоить. Взялась за это дело сухими руками. Не знал, что соски для начала надо теплой водой обмыть, да маслицем тоже неплохо. Скотина ласку любит, а я сразу за сиськи...

— У меня две сестры и два брата. Старший, Борис, физиком был. К великому горю умер...

Свой со своими

— Красивая фамилия Кальянов — сценический псевдоним?

— Родная. Под ней и помру.

— Когда как. Иногда просто надо сильно напиться. Чтобы все гадкое, что накопилось во мне перед записью, обернулось призраком и растворилось. Расслабишь душу, сразу легче. Начинаешь жить как бы с нуля. Тысячу раз прав писатель Гоголь: человек, который не пьет, либо хворый, либо подлока!

— Но если, испив свою бочку до дна, лягутом «пивцу» окончательно опротивли спиртное? За что же его подлока?

— Значит — хворый. После бочки-то... какой же?

— Значит, пьете не только кефир?

— Водку люблю. Самую обыкновенную, русскую. Пугачева мне говорит: «Саш, пей, пока пьется!» Она для меня самый желанный собутыльник. Даже с мужиками выпивать не так интересно, как с Аллой Борисовной. Разговоры говорим, душу раскрываем. Но ведь и работали, как волы.

— Знаете норму?

— 0,8 водки, случалось, принимал с утра, и нормально. Но запой не по мне. Можно денек погулять в хорошей компании. Но на другой день, с утра, отойти непременно.

— Как же отходите?

— С утра ударяю по последнему шашлыку, запиваю рюмкой и — все. За дело. Я никогда не похмеляюсь. Похмелье — первый признак зависимости. Я этого не терплю. Ни от водки, ни от какого-либо самого расчудесного человека.

— Вы совершали поступки, о которых бы всю жизнь жалели?

— Есть кое-что. Когда-то я метко стрелял из рогатки. Но по птицам старался не целись. Исключение — наглые воробы. Не терплю на-глазов.

— Понятно.

— Воробей для меня не птица. Синица, ласточка — это да. Но однажды я выстрелил наугад в ласточку. Она только свила гнездо под крышей нашего дома, что всегда считалось доброй приметой... Ласточка умерла на моих руках. А через два года умерла мама. Обе эти смерти я связываю. Мне было 8 лет.

— Больше никого в своей жизни не убивали? Как же охота?

— Рыбалить могу. А вот стреляю с тех пор только по макушкам елок.

Благие намерения

— В вашей семье кто-нибудь пел?

— Вергинский, Магомаев... Слышали песни Пахмутовой: «Путь и далек, и долг, и нельзя повернуть нам назад...»

— Замечательные песни хранились на старых пластинках. Не ровня тем, что поются сейчас. Я в этом просто уверен. Хотя и сам живу среди тех, кто их создает и поет.

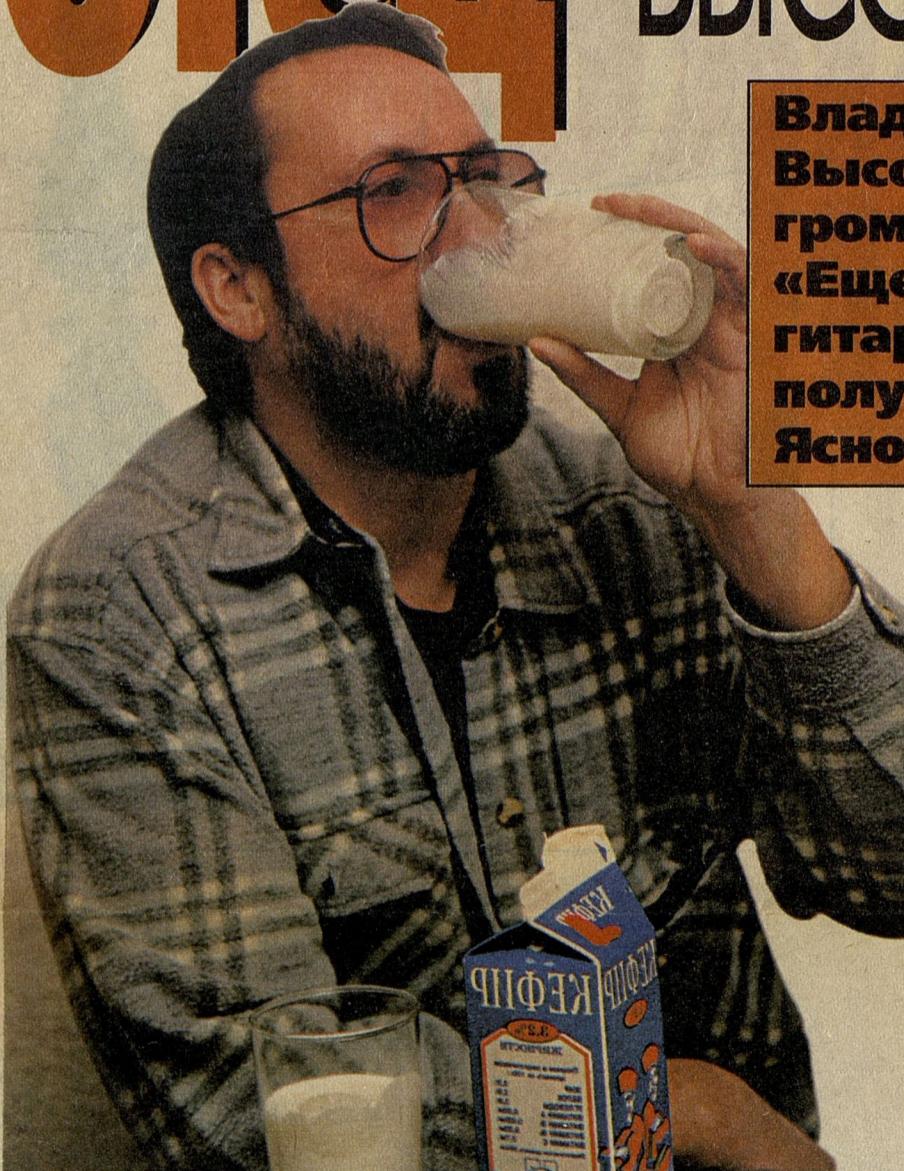
— Да и сами поете... Как же дошли до жизни такой?

— В 1971 году закончил Таганрогский радиотехнический институт и вернулся в Брянск инженером. Завод полупроводников, «почтовый ящик». Там с группой отличных товарищев увлекся разработками электромозговой аппаратуры.

— Удалось что-нибудь изобрести?

— Мы пустили на поток муз-центр «Электроника». Он до сих пор звучит в домах культуры, ресторанах да и на профсоюзных. Но Америку не открывали. Тогда это дело секретным считалось, но вам скажу: мы достали классный фирменный пульт, разобрали до винтиков и... повторили. Только на отечественных радиодеталях.

АЛЕКСАНДР КАЛЬЯНОВ: МОЙ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ-ВЫСОЦКИЙ

Владимир Высоцкий со сцены громко сказал: «Еще кто мою гитарку подстроит, получит по морде. Ясно?»

никогда не было.

— Какой же тогда вы волчара? Пай-мальчик из педагогической семьи.

— Родители воспитывали чужих детей. А меня улица. Родная Коммунистическая... Мы воевали. Отстаивали права на свою улицу и своих девчонок. Драки случались жестокими: с кастетами и дубинами.

— Но огнестрельным оружием — вижу — не воевали.

— Хотя у каждого тога добра имелось навалом. Только у меня: несколько пистолетов разных систем, автоматы — любые, мелкокалиберные

— Лучше — хуже они наших, свободных? Как считаете?

— Считаю, что зона расставляет людей по тем полочкам, которую каждый из нас занимает.

— Из нас?

— А чего зарекаться?

— Чувствую, тема зеков вас волнует. Между прочим, многие считают Кальянова блестящим певцом...

— Да нет у меня никакого зековского мотива! «Таганка-хулиганка»? Подумаешь... Песня совсем не о зоне. Возможно, голос мой, пропитой, виноват...

— Шрамы, отметины с тех

— От родителей вам, видимо, тоже доставалось?

— Когда совсем зарывался. Я несколько раз угбогал из дома. Морем интересовался. Но Харьков стал рубиконом. Там милиция непременно снимала с товарищами, и я возвращался домой с позором.

— Только когда в институт поступал, сестра Нина выдала мне 80 рублей, и я побывал в Анапе. Восемь дней купался, потом сел за учебники и сдал все экзамены на пятерки. Я жутко упорный. Чего захочу, неизменно добьюсь.

— У вас хорошая сестра.

Хорошо погуляли.

— Бывает. Но у меня есть тормоза. От наркоты — я понял это давно — лучше подальше держаться. Если, разумеется, жить охота.

— А говорят, творческому человеку без расслабухи — ни в

кайф. Ничего не получится?

— Творческий человек расслабляется обязан. Хочется сбросить все, «полететь». Будь то водка, анаша или что-то еще — без допинга не ощущу сегодня свободу. Я, например, перед тем, как писаться, люблю коньячку хлебнуть...

— Капельку?

— Оригинальный метод.
— Наш.
— А как насчет морального удовлетворения?
— За семь заводских лет до прос до инженера 1-й категории с окладом 160 рублей. Считалось приличным, даже для семейного человека.
— Где встретились с женой?
— В ресторане. Обмыли с приятелем очередные успехи, а тут они с сестрой. Я влюбился с пол оборота.
— В обеих?
— Можно и так сказать. Но в Александре больше.
— Оба Саша! Кто же загадывал между вами желания?
— Сама. И появился третий в семье Александр — сын. Ему уже 20. Учится в Гнесинском по классу саксофониста. В студии помогает.
— Но как вы оказались в Москве?
— Режимный завод — тюрьма. Утром зашел и только вечером вышел. Даже если нечего делать, сиди! Это не для меня. К тому же не ладил с начальством, заднице никому не лизал. В то время гремела по стране группа «Шестеро молодых». Меня знали, я их оснащал. Пригласили звукорежиссером. Мигом собрался.

— Началась сказочная жизнь?
— Семья в Брянске, а я по 3—4 месяца гастролировал по стране. Потом были «Красные маки», «Лейся, песня!», «Аракс». Уезжал зимой, в туалетике, а возвращался в рубашке.

— Жестоко.
— Да нет, просто лето наступало. А я опять оставался без отпуска. Но за все в этой жизни надо платить.
— Библию почитываете?
— Слышится. Не скажу, что эта книга мозолит мне глаза. Но она на своей полке и ждет часа. Возникнет духовная потребность — всегда ее отыщу.

Крестный папа

— ...А еще Господь делится велел.
— Я делюсь. С вами, например, готов поделиться воспоминаниями.
— Обычно в подобных случаях говорят: это самое дорогое, что у меня есть...
— Судите сами. 1978 год, Казань. Сборная программа: «Шестеро молодых» аккомпанируют Высоцкому. За пультом — я. Владимир Семенович дает мне строгое указание: чтобы по монитору он себя — слышал! Нет проблем. Только занял свое место за пультом в зале, как повалил народ с магнитофонами. Умоляют подключить их к нашей аппаратуре.

— Это сложно?
— Ерунда, когда один магнитофон. Набралось же под двадцать. А Владимир Семенович уважал коньчок. «Аист».

— Не вижу связи... с птицей.
— Связь замечательная. Я подсоединил все 20 магнитофонов к пульту. А каждый из фанов принес мне в знак благодарности по бутылке «птичьего» коньяку. После концерта я Высоцкому все рассказал и честно заслуженным поделился.

— Тот ругался, конечно, напиток бросился в унитаз выливать!

— Очень даже обрадовался. Тут же выпили по стаканчику с ним — для пробы. А потом перед каждым концертом В. С. принимал чай с коньяком.

— Пропорцию не запомнили?
— Как сегодня перед глазами: на четверть стакана коньяк, остальной чай. У него горло постоянно болело. Коньяк размягчает связки. Это вообще рабочий напиток певца, и выдавать его должны, как молоко в горячем цехе, бесплатно. Шесть концертов в день, и так — 10 суток.

— Сколько же это в бутылках?

— Что мы, звери? Остальные концерты фанаты записывали безвозмездно. Только к

полночи мы возвращались в гостиницу. Ног не чуяли. Выпивали и — спать.
— А поговорить?

— Говорили, конечно. О музыке и женщинах.
— И о том, что сами петь собираетесь?

— Тогда я об этом не думал. В. С. сам неожиданно моим голосом заинтересовался, спросил: «Ты слушаешь не поешь?»

— Конкурента приметил?

— Конкурентов он не боялся. Да и не было их у него никогда. Просто сказал, что у меня «интересный тембр». Ведь я, когда настраивал перед концертом аппаратуру, сам в микрофон говорил.

— Запали в душу слова мэтра?

— Поэтому я и считаю его своим крестным папой. Потрясающий все-таки был мужик! На сцену всегда выходил с немного расстроенной гитарой. Профессионалы думали: может быть, он не слышит, что у него гитара расстроена? На гитаре он шустро шпарил, а вот насчет того, что он знает ноты, многие сомневались. Наш руководитель Дима — царство ему небесное, умер в тюрьме — решил Высоцкому помочь. Перед началом концерта, пока не было В. С., подкрался к «гитарке» — Высоцкий так свой инструмент

полночи мы возвращались в гостиницу. Ног не чуяли. Выпивали и — спать.
— Что притягивало. А то представьте себе Высоцкого, который бы суперпрофессионально, по-испански, стал играть на своей «гитарке» да еще бы запел поставленным голосом — кто бы ему поверил?

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ!

— Звукорежиссер — профессия благодарная?

— Не очень. Артист воспитан так: свою неудачу всегда стремится скинуть на других. При этом звукорежиссер виновен всегда: не настроил, плохо звучало... Самое важное при публичном избиении пальками — сохранить свою гордость. Не позволить сломать в себе человека.

— Как в тюрьме.

— Да везде надо так. Правда, конфликтов тогда не избежать. Не стала исключением и Алла Борисовна Пугачева, в коллектив которой я попал в 1983-м году.

— Часто ругались?

— Я никогда не рассказывал этого случая. Но раз Господь велел делиться... Пугачева сдавала новую программу «Пришла и говорю», в «Олимпийском». Все на ушах! Принимать явились все руководство «Росконцерта». Море аппаратуры. Все надо отстроить. Я отвечал за зал. За мониторы — то, как артист слышит себя на сцене — другой звукорежиссер. Так бывает в гигантской аудитории. Я сходил с ума наверху, где осветители. Пугачева на сцене пульсировала, словно обнаженный ком нервов... Началась репетиция, и что-то не заладилось с мониторами. Певица поет, но себя плохо слышит. Только это в тот раз было не мое. Вдруг А.Б. останавливает репетицию да на весь зал как крикнет: «Калья!» (В зале тысячи две зрителей, неизвестно как просочились...) Давай скорее сюда. Помоги настроить...» Не секрет, что я прихрамываю.

— Что же вы?

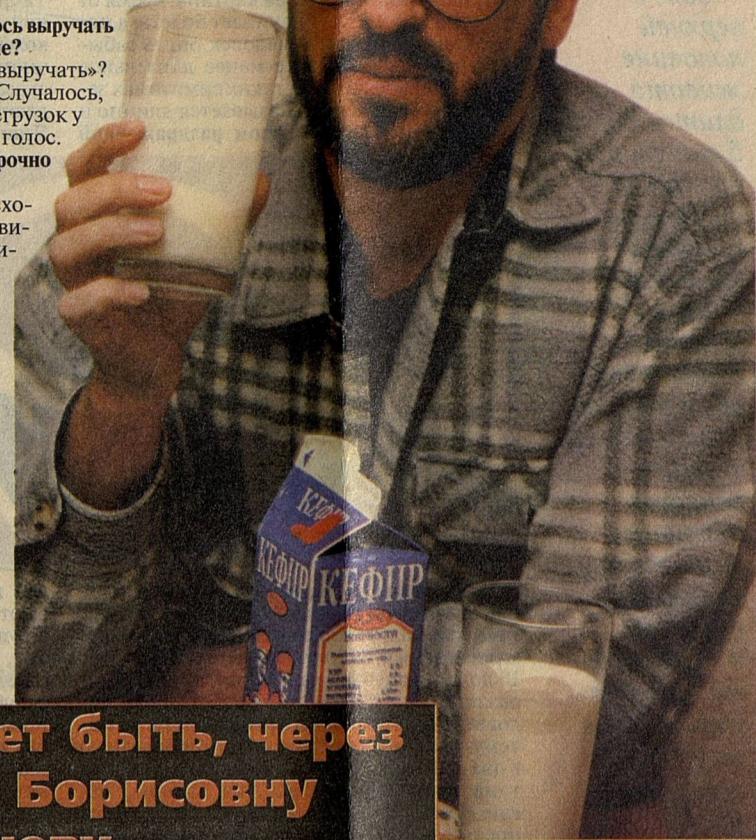
— Наладил звук и стал ждать увольнения. Пугачева вышла, взяла микрофон и, будто ничего не произошло, продолжила репетицию. Потом мы десять лет работали вместе. Ни разу не вспоминали о том.

— Вам приходилось выручать Пугачеву на сцене?

— Что значит «выручать»? Это моя работа. Случалось, от бешеных перегрузок у нее не смыкался голос.

— Знаю-знаю, срочно нужен коньк!

— Но все происходит на сцене. Певица просто не в силах дотягивать какие-то ноты. Тут уж моя роль возрастает. Нужно немедленно реагировать: валировать тект, чтобы не вылезла хрипотца, громче дать в монитор... Но А.Б. сама непривычно мастерская. Владела голосом, как хотела. Могла вы-

Может быть, через Аллу Борисовну Пугачеву подружимся наконец с какой-нибудь внеземной цивилизацией!..

тогда сказал Станиславский? Возвращаясь как-то с концерта в машине, вдруг милиционер тормозит нас и говорит: «За вами следует НЛО. Только без паники!» Дал нам бинокль, и мы собственными глазами смогли разглядеть «тарелку». Блестящая конструкция, металлического типа нашей ртути... Зависла буквально над нами! И через мгновение — резко в сторону. Оказалось, что, пока шел концерт Пугачевой, НЛО висел над недалеким озерцом. «Тарелки» любят пресную воду...

— Еще, видимо, полюбился одной из них концерт Пугачевой?

— Ничего в этом страшного нет. Может, через Аллу Борисовну подружимся наконец с какой-нибудь внеземной цивилизацией!..

— Давно пора. А сами как запели?

— Игорь Николаев написал для меня альбом. Пугачева прослушала и сказала: «Дай, Кальяша, пой дальше!» Но Алла понимала, что я никогда не выйду на сцену своими ногами. И однажды Пугачева в Томске, во время своего концерта, вдруг говорит публике: «Сейчас споет мой друг». Николаев быстро сел за рояль. Мне ничего не оставалось, как встать из-за пульта, взять микрофон...

— Вашей жене нравится, как вы поете?

— Ей часто нравится то, что мне просто не по нутру. Ее дело. Вообще-то она жена, а не поклонник. Со мной на гастроли не ездит. Я не могу петь со сцены, когда в зале родня. Нервирует.

АЛОГИЗМ ЛОГИКИ

...«Семнадцать мгновений апреля» останутся в сердце твоем. Я верю, вокруг нас всегда будет музыка, и деревья будут кружиться в вальсе, и только чайка, подхваченная струниной, утонет, и ты не сможешь ей помочь», — пела Марика Рокк на прощание Штирлицу.

Через месяц закончится самая страшная в мире война. Через два года родится Александр Иванович Кальянов. Скоро ему пятьдесят. Он поет.

Ничего подобного не могло случиться, если бы весной 45-го отец Кальяни не дождался Берлина.

Михаил СЕРДЮКОВ.

Фото автора.

А КРЕСТНАЯ МАТЬ — ПУГАЧЕВА

называл — и быстро настроил, как надо. Высоцкий вышел, исполнил первую песню. И вдруг призадумался: чертвищина какая-то! Тут же при всех стал «гитарку» свою вновь расстраивать. Ну все профи в трансе. Грешат почерному на Высоцкого: мол, у него вообще слуха нет... Дима наш едва не плачет: так обидно за хорошего человека стало. Улучил момент, в перерыв снова ныркнул к «гитарке», опять настроил. Высоцкий вышел на сцену. Один аккорд взял, другой... Тут же со сцены громко сказал: «Если кто еще хоть разок мою гитарку подстроит, получит по морде. Ясно, нет?» И почему-то выразительно посмотрел на меня. Тогда все с облегчением вздохнули: со слухом у любимца публики все оказалось в порядке...

— Так зачем ему нужна была непременно расстроенная гитара?

— Сам он этого так и не прояснил. Но догадаться можно. Слегка расстроенная гитара изумительно гармонировала с доверительной хрипотцой артиста. Нарочно со здавалась атмосфера дворо-

сти на сцену вообще без голоса, едва разговаривая за кулисами, и... отбараинить на бис весь концерт.

— Все ваши фокусы?

— Главный фокус всегда был ее. Моя забота — не пропускать ни единого ее взгляда. Постоянно видеть, как А.Б. держит микрофон: далеко, близко? Чтобы не завелся, не засвистел...

— Кто вам рубашки выжимал после концертов?

— Все сам. Я человек исключительной самостоятельности.

— А после концертов чем занимались? Вы ведь дружили.

— И сейчас дружим. Семьи. Просто теперь видимся реже. Дела. Но Пугачеву я могу обожать на любом расстоянии. Она мне как крестная мать. Женщина далеко не простая. Я бы смело сказал: с элементами колдовства!

— Неужели ведьма?

— Да, видимо, всякая есть. Каждый город встречал Пугачеву неистовым сумасшествием. Все стремились пообщаться, куда-то пригласить. Заводы, корабли, университеты. Ну и начальство местное, которое А.Б. далеко не всегда уважала. Но на компромисс могла и пойти. Как-

то уговорили ее на Дальнем Востоке поучаствовать в грандиозном шоу: возложение венков к памятнику морякам. Я не хотел туда сходить: показуха, толпы людей, суетливые партийные деятели. Но она: «Нет, Кальяша, поехали!» Только мы к памятнику подошли, как погас Вечный огонь. Уж и спички зажгены бросали, нет огня, хоть тресни. Я сразу сказал: «Это нам первое предупреждение свыше». Вечером в цирке был концерт. На первой же песне отрубилось все электричество. Алла, конечно, не растерялась, взяла свечу в руки и пять минут молилась одному из гробов в гробовой тишине... После концерта я зашел в гримерную, мы абсолютно молча собрали все цветы и поехали на могилу погибших моряков. Огонь снова стал «вечным», пылал.

Вокруг ни души: тихо, покойно. Мы положили цветы и вернулись в гостиницу.

— И все — молча.

— Все. Страшно было слово вымолвить. Понимали: был знак. Хорошо, заметили.

— Станиславский сказал бы: «Не верю!»

— А если бы за ним живая «тарелка» гонялась, что бы